

М. Дж. Блэквелл

Воссоздание коммунистической партии в Киеве после нацистской оккупации. 1943–1946 гг.

Последние исследования периода позднего сталинизма показывают наличие руссоцентристских тенденций в идеологической сфере, так же как и нарастание бюрократизации в экономической области¹. В развитии советской Украины в 1940-х гг. отмечаются также специфические украиноцентристские тенденции². Мы, безусловно, учитываем этот интересный подход при исследовании воссоздания коммунистической партии в Киеве после двухлетней нацистской оккупации. Однако мы считаем, что такие вопросы, как наличие жилья, недостаток продовольствия и нехватка кадров, играли более заметную роль при решении вопроса о том, кто вступит в элиту, чем любые значительные соображения, которые можно обнаружить в прессе или архивных документах того времени. Скорее, напротив, перед лицом бедствий, с которыми сталкивался Советский Союз в середине 1940-х гг., коммунисты Киева, возможно, рассматривали себя как привилегированную технократическую элиту, попадание в которую должно строго охраняться.

Кто же вернулся в первую очередь, чтобы руководить Киевом после нацистской оккупации? При подготовке статьи автор столкнулся с тем, что численность рядов полумиллионной Украинской коммунистической партии резко сократилась во время Второй мировой войны. В то время, когда треть коммунистов Украины эвакуировалась на восток, оставшиеся оказались либо в армии, либо на оккупированной территории. К концу военного времени численность организации была восстановлена. В Киеве к концу 1944 г. было зарегистрировано 13 263 коммуниста³. Поскольку в этом году в ряды партии в Киеве вступило только 363 человека, резонно предположить, что городская элита послевоенного времени прибыла из «глухого тыла» для того, чтобы управлять населением⁴.

Мартин Дж. Блэквелл,
Ph. D. истории,
Университет
Гэйнсвилла — система
университетов
Джорджии, США.
mblackwell@gsc.edu

С какими задачами столкнулись эти представители «первой волны»? Еще Джон Барбер и Марк Харрисон показали, что вследствие возросшей в военное время бюрократизации советской экономики, коммунисты периферийных органов вынуждены были стать «хозяйственниками», чтобы обеспечить выполнение директорами предприятий многочисленных приказов из Москвы⁵. Основываясь на этом заключении, Моше Левин при помощи недавно обнаруженных архивных документов сделал вывод о том, что многие члены партии были «дискредитированы» во время войны получением «премий» от руководства наркоматов⁶. Эта ситуация, считает Левин, стала причиной кампании «партийного обновления» в середине 1946 г. (ждановщина), которая сопровождалась «оголтелым национализмом, насыщенным идеями, родственными фашизму»⁷. По мнению Левина, кампания была «скорее заболеванием, чем лекарством», поскольку необходимые связи между партийным и экономическим аппаратами советского государства были слишком важны, чтобы их разрушать. Хотя Левин считает, что сталинизм прекратил критиковать капитализм с социалистических позиций, нам представляется, что партийные работники в Киеве по-прежнему занимались трудной работой по «учету и распределению». Мы постарались продемонстрировать, что при возросшей важности управленческой роли партии происходила ее деполитизация, и доступ в ее ряды затруднялся.

К октябрю 1946 г. общее количество членов и кандидатов в члены партии, состоящих на учете в Киевском горкоме КП(б)У, увеличилось почти в три раза и составило 32 282 человека⁸. Этот численный рост обусловлен, вероятно, прибытием в столицу Украины 16 937 демобилизованных из Красной Армии военнослужащих через полтора года после окончания войны⁹. Как отметил Т. Ригби, основной чертой таких коммунистов была их неопытность¹⁰. Например, в киевской областной организации КП(б)У около 64 % коммунистов стали кандидатами или членами партии в период с 1942 г. по 1946 г.¹¹ Как считает Марк Эделе, такими людьми было трудно командовать из-за их чувства собственного достоинства, сформировавшегося во фронтовой обстановке¹².

Бюрократизация экономики и человеческий фактор являлись серьезными проблемами для коммунистов Киева. Если учесть еще и трудности восстановления — недостаток жилья и продовольствия, — становится понятным, почему местные коммунисты должны были бдительно охранять доступ в свои ряды. Поскольку язык советского патриотизма был единственным языком официальной пропаганды в середине 1940-х гг., вполне естественно, что вопросы патриотизма использовались для того, чтобы отодвинуть тех, кто стремился к власти со стороны. Кадровые решения коммунистов Киева обуславливались скорее многочисленными жизненными трудностями и последствиями нацистской оккупации, нежели идеологическими разногласиями. В соответствии с высоким статусом партии коммунисты Киева хотели, чтобы их считали надежными, компетентными и заслужившими многочисленные привилегии в условиях послевоенного времени.

Трудности реконструкции были также связаны с тем, что украинские угольная и металлургическая отрасли поглощали трудовые ресурсы, необходимые для восстановления города. Кроме того, предприятия союзного подчинения, расположенные в Киеве, имели приоритет при получении материальных ресурсов, выделяемых городу. К началу четвертой пятилетки, в марте 1946 г., тяжелая промышленность Киева достигала только 24,1 % довоенного уровня¹³. Понятно, что ситуация в легкой промышленности, местной промышленности и кооперативном секторе была еще хуже — в 1945 г. план был выполнен только на 11 % от довоенного уровня¹⁴. Что касается жилищного сектора, то в городе, где проживали 600 тыс. человек, при средней обеспеченности в 4,5 кв. м на человека, в марте 1946 г. — в первом квартале этого года было построено только 1700 кв. м жилой площади¹⁵.

Вернувшиеся руководители были уверены в том, что получают лучшее из того, что осталось в опустевшем после нацистского геноцида городе. 1 декабря 1943 г. правительство Украины предоставило городскому совету Киева временное право распоряжаться «бесхозным имуществом» в городе¹⁶. Это решение открыто игнорировало два общесоюзных постановления, которые регулировали распределение жилплощади — от 5 августа 1941 г., бронировавшее жилплощадь призываемых в армию, и от 17 октября 1937 г., согласно которому все выселения и «уплотнения» должны были производиться только по решению суда¹⁷. Поскольку 200 тыс. киевлян были призваны в армию летом 1941 г.¹⁸, практически все квартиры в столице Украины должны были считаться «жилплощадью, принадлежавшей военным». За словами о «бесхозном имуществе» скрывалось массовое перераспределение, происходившее в Киеве примерно первые шесть месяцев после освобождения города. Если учесть, что часть имущества присваивалась работниками органов безопасности¹⁹, то можно считать, что заметное количество лучшего жилья в украинской столице было незаконно конфисковано зимой 1943–1944 гг. Вполне вероятно, что ситуация была аналогична той, которую Ян Гросс отметил в Польше²⁰, когда подобные противозаконные действия означали, что чужаков просто не допускали в ряды коммунистов.

Одновременно с этим, коммунистическое руководство Киева продолжало проведение прежней политики. Как показала недавно Юлия Хесслер, в условиях постоянного сражения с кризисами такие «импровизаторы» были «руководящими функционерами Советского государства», где «новое изменение в политике» подразумевало возможность таких решений²¹. Может показаться невероятным, что коммунистическая легитимность не могла более покоиться только на шатких руссоцентристских и украиноцентристских основах советского патриотизма. Результатом этого стали различные отклонения, от которых впоследствии избавились благодаря гипертрофированному шовинизму Кремля в период политики «холодной войны». Например, в 1944 г. Киевский городской совет открыл в городе сеть закусовых, прозванных «американками», а также сеть коммерческих ресторанов²², и собирался открыть «Коктейль-холл» в помещении, где ранее располагалась кафе для инвалидов войны²³! Вопрос о доступе в партию в тот

период был очень важен из-за полновластия коммунистов и их бесконтрольности в распределении жилья и продовольствия.

Наиболее актуальным был вопрос о том, восстанавливать или нет в партии тех ее членов, кто по различным причинам оказывался во время войны на территории, оккупированной Германией, — о так называемых окруженцах. После возвращения в ранее оккупированные области КП(б)У насчитало 66 910 таких коммунистов, около 6 тыс. из которых обратились с заявлениями о восстановлении в партию в Киевской области²⁴. Судьба этих людей не соответствовала триумфальному характеру советской пропаганды военного времени. Как отметил Левин, установки партии в это время были весьма расплывчаты²⁵. Возможность ослабления властных позиций руководящей бюрократии беспокоила киевских коммунистов. Вопрос затрудненного доступа в партию был связан не с бдительностью, а с проблемами доверия и с ограниченностью ресурсов, противозаконный характер распределения которых в условиях экономических проблем послевоенной Украины необходимо было скрывать.

Амир Вейнер подсчитал, что доля исключенных из партии окруженцев составляет около 90 % для Винницкой области за период с 1944 г. по 1947 г., а Джеффри Джонс установил, что аналогичный показатель для региона Ростова-на-Дону за период с 1943 г. по 1945 г. составляет 60 %²⁶. Наши собственные оценки ближе к данным Джонса; изучение заседаний Киевского городского комитета КП(б)У с 1 февраля 1944 г. до середины 1946 г. показывает, что из 1 291 персонального дела о «партийности» окруженцев, рассмотренных за это время, в 450 (или 35 %) делах резолюции предусматривали восстановление в рядах партии, которое, возможно, происходило и раньше, когда коммунисты нуждались в подготовленных кадрах для работы на только что освобожденных территориях. Фактически, многим окруженцам необходимо было просто показать, что они смогли уклониться от нацистов тем или иным способом, для того, чтобы их рассматривали как участников сопротивления. Один из них даже стал впоследствии председателем Киевского горсовета! Конечно, большинство из тех, чье поведение признавалось «не соответствующим образцу коммуниста», были несправедливо заклеены как труссы.

Необходимо помнить, однако, что многие из этих довоенных партийцев не имели хорошего образования²⁷. Это, вместе с новой политической и экономической атмосферой, сложившейся из-за военной обстановки, делало окруженцев скорее непривлекательными коллегами для коммунистов Киева. Те, кого принимали в этот критический момент, должны были опасаться последствий этих разбирательств. Действительно, позже «компрометирующие материалы» иногда появлялись в райкомах, что влекло за собой дополнительное расследование деятельности «подозреваемого» в маленькой деревне при немцах и возможное изменение первоначального решения о «партийности» данного человека. Как показал Олег Лейбович на примере Перми (Урал), в конце 1940-х гг. идеологические ярлыки использовались в межведомственных «схватках», даже если эта борьба не имела отношения к судьбе большевистской революции²⁸.

Наряду с окруженцами, в ряды коммунистов Киева в середине 1940-х гг. вступали и люди некоторых других категорий, включая военнослужащих, призванных в Красную Армию после освобождения Киева. Даже в тот период для вступления в партию требовались рекомендации от трех членов партии с места работы с партийным стажем не менее трех лет, при условии знакомства с рекомендуемым не менее года. Т. Ригби утверждал, что эти меры были направлены на затруднение вступления в партию рядовых кандидатов, которые уже рассматривались как слишком молодые и идеологически неустойчивые²⁹. Только теперь, при помощи архивных документов, мы можем показать, что и другие обстоятельства способствовали ужесточению порядка приема в партию.

Другая категория, имевшая шансы на попадание в элиту, — бывшие партизаны и подпольщики, находившиеся в городе во время оккупации. Безусловно, положительным фактом была деятельность в составе официально признанной подпольной группы до освобождения; многие из этих людей были приняты в партию до усиления запретительных мер, и позже сражались в рядах Красной Армии. Начиная с 1944 г., киевские коммунисты начали собирать сведения о «неофициальных» группах сопротивления из Киева, чтобы определить, действительно ли эти группы существовали в немецком тылу; в этом случае их участники могли бы официально настаивать на том, что они также боролись с нацистами. Несмотря на то, что война уже закончилась, быть признанным официальным участником сопротивления давало возможность добиться более высокого социального статуса и лучших условий жизни.

До лета 1945 г. коммунисты Киева не признавали существования неофициальных групп сопротивления в городе во время нацистской оккупации. Однако такие группы существовали и после потери связи с официальным подпольем через несколько месяцев после начала войны. Эти расследования вскрыли общие недостатки в организации сопротивления оккупантам. Важнее то, что подполью не удалось помешать взрыву городских предприятий и объектов инфраструктуры в конце лета 1943 г.

Из наших архивных изысканий следует, что количество людей, признанных участниками подполья в Киеве на конец 1946 г., составляло менее 500 человек. В соответствии с документом, подготовленным начальником оргинструкторского отдела КП(б)У, более тысячи человек предположительно работали в различных неофициальных подпольных организациях только в августе 1943 г.³⁰ Эта цифра может быть преувеличена, так как в таких документах скорее исследовалось, кто на самом деле работал на немцев в подполье, нежели эффективность действия подпольных организаций³¹. Но это последнее, что имело значение в том случае, когда люди признавались героями и могли бы получить социальный статус, необходимый для вступления в партию. По причинам, упомянутым выше, к середине 1946 г. местные коммунисты думали только о том, как не дать таким людям возможности попасть в партию.

В то время, как некоторые из «подпольщиков» получали шанс на вступление в ряды коммунистов, средний киевский рабочий не имел такой возможности. Например, секретарь Киевского

горкома КП(б)У Борис Горбань на одном из собраний сказал: «Существует большая ответственность (в отношении рабочих. — М. Б.), без сомнения, они должны стать более образованными и с ними надо работать в этом направлении больше, чем с товарищами, которые все время учились»³². Факт пребывания на оккупированной территории стал позднее ловушкой, использовавшейся против людей. Настоящая причина этого имеет мало общего с «патриотизмом» и скорее связана с тем, могли ли эти люди быть хорошими технократами. Например, из 2 тыс. рабочих треста «Крещатикстрой» и из 3 тыс. рабочих ССМУ–305 в течение 1944–1945 гг. в партию не вступил ни один человек. Представляется, что заявление Горбаня было сделано для того, чтобы показать рабочим, что им самим было бы лучше, если бы никто из коллег не вступал в партию.

Исторические процессы, порожденные Второй мировой войной, создали условия, при которых происходило восстановление коммунистического руководства в Киеве на Украине в середине 1940-х гг. Поскольку большинство из этих людей пришло из «глубокого тыла» или с фронта, то причины их действий — гораздо более приземленные, чем можно себе представить. Возвратившись из тыла в ноябре 1943 г., они сразу получили места в бюрократических структурах власти, усилившихся из-за сверхцентрализации экономики военного времени. Они также осознавали, что большинство членов их организации — это новые кандидаты и члены партии с небольшим опытом руководящей работы в гражданских областях и, если на то пошло, с невысоким уровнем образования. Незаконное присвоение ими квартир и прочей собственности в практически пустом городе также могло способствовать возникновению определенного «заговора молчания» среди «своих» и послужило дополнительным аргументом против расширения их рядов. Более того, медленные темпы восстановления и чудовищные проблемы с продовольствием и товарами широкого потребления, возможно, создали дополнительные причины, по которым окруженцы и чужаки стали рассматриваться как потенциально нежелательные коллеги. Таким образом, все эти процессы происходили в то время, когда пропаганда руссоцентристского и украиноцентристского советского патриотизма переполняла эфир. Вполне вероятно, что за идеологическими решениями по поводу членства в партии стояла ее деполитизация и появившееся вследствие этого стремление считать себя компетентной группой технократов. Проблема контроля над ресурсами теперь находилась в самом сердце Советского Союза, и именно этим объяснялась идеологическая пустота страны в последующие годы.

Пер. К. А. Болдовского

¹ См.: *Brandenberger D.* Stalin, the Leningrad Affair, and the Limits of Postwar Russocentrism // *Russian Review*. Vol. 63. 2004. N 2. P. 241–255; *Lewin M.* Rebuilding the Soviet Nomenclatura, 1945–1948 // *Cahiers du Monde Russe*. Vol. 44. 2003. N 2–3. P. 219–251.

- ² *Yekelchik S. Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Historical Imagination. Toronto, 2004.*
- ³ См.: протокол № 2 заседания бюро Киевского горкома КП(б)У по вопросу «Про затвердження статзвіту про склад та рук Київської Міської парторганізації за грудень IV квартал 1944 р. ... та статистичні дані гідно форм но. 2,3, 6, та 7 на 01/01/45.» // Державний Архів Київської Овласті (далее — ДАКО). Ф. 1. Оп. 3. Спр. 170. Арк. 7. — Здесь и далее: Ф. — фонд, Оп. — опись, Спр. — дело, Арк. — лист.
- ⁴ ДАКО. Ф. 1. Оп. 3. Спр. 170. Арк. 7.
- ⁵ *Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front: 1941–1945. London, 1991.*
- ⁶ *Lewin M. Rebuilding the Soviet Nomenclatura, 1945–1948. P. 229.*
- ⁷ *Ibid. P. 237–238.*
- ⁸ См.: резолюция Киевского горкома КП(б)У от 18 октября 1946 г. «Про затвердження статзвіту про склад та рук Київської Міської парторганізації за вересень, III квартал 1946 року» // ДАКО. Ф. Р–1. Оп. 3. Спр. 289. Арк. 15.
- ⁹ Центральный Державний Архів Громадських Об'єднань України (далее — ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 23. Спр. 3022. Арк. 59.
- ¹⁰ *Rigby T. H. Communist Party Membership in the U. S. S. R, 1917–1967. Princeton, 1968. P. 236–256.*
- ¹¹ См.: справка от 10 марта 1947 г. «О выполнении постановления ЦК ВКП(б) от 26 июля 1946 г. “О росте партии и мерах по усилению партийно-организационной и партийно-политической работы с вновь вступившими в ВКП(б)” оргинструкторского отдела КП(б)У» // ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 46. Спр. 1515. Арк. 13, 14.
- ¹² *Edele M. Soviet Veterans as an Entitlement Group, 1945–1955 // Slavic Review. Vol. 65. 2006. N 1. Spring. P. 111–137.*
- ¹³ См.: «Стенограмма собрания Киевского городского партийного актива по вопросу задач парторганизации в связи с принятием закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства — 46–50 гг.» // ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Спр. 3382. Арк. 173.
- ¹⁴ См.: «Собрания партийного хозяйственного актива Киевской организации по докладу секретаря Горкома КП(б)У тов. Горбань “Об итогах работы промышленности за 1945 год и задачах промышленности на 1946 год”» // ДАКО. Ф. 1. Оп. 3. Спр. 270. Арк. 46.
- ¹⁵ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Спр. 3382. Арк. 28.
- ¹⁶ См.: постановление СНК УССР «О порядке ведения учета, хранения и реализации бесхозного имущества населения и предприятий г. Киева» // Центральный Державний Архів Вищих Органів Влади України (далее — ЦДАВОВУ). Ф. Р–2. Оп. 7. Спр. 629. Арк. 84–86.
- ¹⁷ О первом см.: *Edele M. Soviet Veterans as an Entitlement Group. — О последнем см.: Manley R. To the Tashkent Station, Evacuation and Survival in the Soviet Union at War. Ithaca, 2009. P. 257.*
- ¹⁸ См., например: *История Киева: В 2 т. Т. 2. Киев, 1964.*
- ¹⁹ См., например: ДАКО. Ф. Р–5. Оп. 2. Спр. 1141. Арк. 80.
- ²⁰ *Gross J. Anti-Semitism in Poland after Auschwitz: An Essay in Historical Interpretation. N. Y., 2006.*
- ²¹ *Hessler J. A Postwar Perestroika? Towards a History of Private Enterprise in the USSR // Slavic Review. Vol. 57. 1998. N 3. Summer. P. 532.*
- ²² См.: постановление СНК УССР и ЦК КП(б)У от 17 мая 1944 г. «Об организации коммерческих магазинов и ресторанов в гор. Киеве Главсособторга при НКТ СССР» // ЦДАВОВУ. Ф. Р–2. Оп. 7. Спр. 981. Арк. 45.
- ²³ См.: постановление горсовета Киева «Про відкриття в м. Києві “Коктель Холла”» // Державний Архів м. Києва. Ф. Р–1. Оп. 4. Спр. 11. Арк. 276.
- ²⁴ См.: справка ЦК КП(б)У «О рассмотрении жалоб и заявлений коммунистов, находившихся на оккупированной территории» // ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Спр. 2697. Арк. 20, 21.
- ²⁵ *Lewin M. Rebuilding the Soviet Nomenclatura, 1945–1948. P. 238.*

²⁶ *Weiner A.* Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, 2001. P. 99; *Jones J.* « Every Family has its Freak»: Perceptions of Collaboration in Occupied Soviet Russia // *Slavic Review*. Vol. 64. 2004. N 4. P. 757.

²⁷ *Lewin M.* Rebuilding the Soviet Nomenclatura. P. 247.

²⁸ См.: *Лейбович О.* В городе М.: Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50 гг. М., 2008. С. 5–13.

²⁹ *Rigby T. H.* Communist Party Membership in the USSR, 1917–1967. P. 256–257. — Эта политика была смягчена во время войны из-за мобильности военнослужащих на фронте. К концу войны около 2/3 членов ВКП(б) составляли военнослужащие. Подавляющее большинство из них стали кандидатами в члены партии благодаря рекомендациям тех, кто имел партийный стаж около года и был знаком с ними менее одного года. Такие изменения порядка приема в партию были приняты 19 августа 1941 г. В декабре того же года военнослужащие получили возможность стать членами партии после трех месяцев кандидатского стажа.

³⁰ См.: рапорт от 13 апреля 1944 г. «О Киевской городской подпольной парторганизации КП(б)У» // *Київ у дні нацистської навали: за документами гадяньських спецслужб.* Київ; Львів, 2005. С. 495–501. — Оригинал документа находится в: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 11. Арк. 31–46.

³¹ См.: «Докладная записка о предательской и провокаторской деятельности отдельных участников киевских подпольных партийных и комсомольских организаций и происходивших в связи с этим провалах» // *Київ у дні нацистської навали.* С. 447–457. — Оригинал документа находится в: Державний Архів Служби Безпеки України. Ф. 11. Оп. 769. Спр. 9. Арк. 16–26.

³² См.: стенограмма от 6 марта 1945 г. заседания второго Пленума киевского горкома КП(б)У по вопросу «Про зріст міської парторганізацій та роботу з молодими комуністами» // ДАКО. Ф. Р–1. Оп. 3. Спр. 162. Арк. 49.